

© 1999 г.

Н.В. РОМАНОВСКИЙ

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

*РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович - зам. главного редактора журнала
"Социологические исследования".*

Знакома читателя с *The Journal of Historical Sociology* ("Журналом исторической социологии") за 1988-1997 гг., мы хотели продолжить осмысливание современного состояния исторической социологии за рубежом, анализ этой дисциплины, начатый в нашем журнале некоторое время назад [1]. Отмечалось, что историческая социология, динамично развиваясь и за рубежом, и в России (СССР), за десятилетия перетерпела существенные изменения, прошла несколько стадий развития. Анализ специального издания по исторической социологии, такова гипотеза, позволял предметно и практически четко показать современное понимание этой дисциплины. Более сотни статей, написанных для журнала, как представлялось, позволяют предложить некоторые выводы о современных взглядах на данную область социологического знания.

Издатели журнала исходили из распространенной (если не преобладающей) точки зрения на близость истории и социологии и необходимость сотрудничества этих дисциплин. Еще в начале 60-х гг. видный английский историк Э.Х. Карр писал; "чем социологичней становится история и чем историчней - социология, тем лучше для них обеих" [2. Р. 60]. В заявлении редакции в № 1 (одним из инициаторов создания журнала был английский исследователь крестьянства Т. Шанин [3]) говорилось о намерении публиковать "широкий круг историко-социологических работ во всех формах", содействовать "построенному на истории пониманию человеческих обществ" и об убеждении, что историческая наука и наука об обществе имеют единый объект (89-1. Р. 5). Ф. Абраме, один из создателей журнала, позднее отмечал, что "в смысле своих фундаментальных забот история и социология всегда были и остаются одним и тем же" (93-1. Р. 117). "В то время как исторические социологи хотят довольствоваться большим количеством истории и меньшей каузальностью, - писал М. Фили. - историкам нужно больше думать социологически и теоретически". Реагируя на голоса за разделение задач социологов и историков [4], главной задачей редакция считает публикацию эмпирических работ в разных традициях "исторической социологии", предоставляет рубрику "Проблемы и задачи" обсуждению возможностей и правомерности

Ежеквартальный журнал "The Journal of Historical Sociology". NY - Oxford. Oxford - Cambridge, MASS. 1988-1997 (некоторые номера журнала в библиотеках Москвы отсутствуют). В тексте статьи, как правило, в скобках указаны номер, год выхода журнала, страниц: например. (3-93. р. 71 - С. 7. № 3. 1993 г.

исторической социологии (множества исторических социологий) (93-1), с учетом того, что содержание этой дисциплины со времени ее появления понималось по-разному. Отметим: отбор статей для публикации в журнале "мягко" осуществлялся путем рецензирования присылаемых статей (их авторы в большинстве - преподаватели университетов, преимущественно английских и американских) несколькими членами редколлегии.

Общее для исторической науки и социологии и публикациях журнала - полнота и всесторонность баз данных, построенных на исторической литературе и архивных материалах, добытых авторами. Средняя статья содержит до ста отсылок к источникам, иногда ее аппарат (ниже мы приведем примеры) занимает половину объема. При обобщении данных происходит переход от истории к исторической социологии через использование авторами социально значимых объектов изучения, социологических методик (прежде всего - контент-анализ документов и исторических свидетельств), качественного анализа данных, использование социологических концепций, понятийного аппарата. Социологична, как показано ниже, тематика публикаций, например, прошлое социальных институтов. "Социологическое воображение" историков-социологов позволяет смотреть социологически на структуры и институты общества, происходившие процессы, давать им историко-социологическую оценку или переоценку. Широко используется историческая компаративистика. Социологические подходы позволяют уточнять специальные исторические понятия - периодизация, структура исторического процесса и др.

В прошлом люди не знали социологических исследований, но существовали девиация, менталитеты, маргинализация, конфликты, культура, социализация и социальная мобильность (через образование, службу в полиции или в колониях и т.п.). слои и группы эволюционировали; шли процессы национальной самоидентификации; формировались национальное сознание, электоральное поведение британцев. Специфика материала делает неизбежным преобладание в работах по исторической социологии качественных методов анализа. Квантитативная социология представлена в журнале одной-двумя статьями. Р. Францози (96-3) ставит под вопрос оправданность жесткой квантификации с наборами переменных, формулами объяснения причин, интенсивности стачек. В США. считает автор, перегибают палку в требованиях усвоения и использования методов квантитативной социологии. Стачки - это экономическая история, история рабочего движения, капитала, промышленных отношений; только количественные методы не позволяют их интерпретировать.

Публикации отражают новое в мировой социологии. Французская революция переосмыслена в плане отхода от экономического детерминизма к культурно-политическому пониманию революции (93-1). Обзор книг о "лингвистическом повороте" в англоязычной историографии отражает внимание к тексту, семиотике, к языку - средству контроля, к написанию истории как дискурсивному социально-политическому акту (93-2).

Обсуждаются проблемы источников. В канадской переписи 1861 г. отмечено много ошибок, но она остается ценным источником (94-2). Охарактеризован путеводитель по документам архива британского министерства Индии. Автобиографии британцев 1600-1750 гг. - источник замеров интенсивности межпоколенной социальной мобильности. - невысокой в силу узкого круга контактов (94-2). Сто лет - 1881-1991 гг. - профессиональных переписей в Великобритании позволили проследить тенденции занятости и десеграции женщин на производстве (94-2).

Статьи (к чему стремилась редакция журнала) отразили глобальные процессы последних столетий. Авторы анализируют культуру правящего класса и элиты Аргентины 1880-1910 гг. (в статье 115 сносок) (93-1); ремесленного производства и монокультурной экономики Перу 1930-1990-х гг. (95-1); туземные нормы права и традиционный брак в Южной Африке (89-1; 95-3); антропологические проблемы бассейна Амазонки ("Амазония") (94-2): взаимоотношения интеллектуалов, "патрициев" и "плебеев" в Чили XIX в. (89-3; 95-2): роль выходцев из Индии в политическом дискурсе полинезийского государства Фиджи и т.д.. то есть проблемы всех континентов.

Большинство публикаций отражает истоки современности, пути к ней, освобождение от представлений, сформированных изменившимися ныне обстоятельствами. В этой пестрой проблематике очевиден теоретический стержень - концепция "модерна" (modernity), теория модернизации в глобальной истории (по меньшей мере после 1500 г.). Это макро-социологическая основа многих публикаций, мета-теория истории, ее философия. Она также рассматривалась и как претендент на роль "нового мирового порядка", и как известный "конец истории".

Уточнены истоки этой теории, оценки степени и характера индустриализации Европы с точки зрения перспектив остального мира. Рассмотрены, например, роль коммерции и

культуры в формировании капитализма в Англии (89-4). проблемы перехода от аграрного общества к индустриальному, модернизации сельского уклада жизни (89-2). Представлена панорама частных проблем "транзита" (переходных процессов): перемены семейной жизни, туземных норм права и традиционного брака в Южной Африке (89-1; 95-3). формирование рабочего класса США XVIII в. (88-2); идентичность рабочих Англии в ходе конфликта домашнего производства с индустриальным конца XVIII в. (93-3). Интересен анализ связи экономического кризиса ("Великая депрессия") с крахом либеральной демократии во многих странах в 30-е гг. XX в. и с поиском в США панацеи, обретенной в виде ядерного оружия (92-1).

Частью модернизации предстают социальные слои и группы, существующие поныне и ушедшие в небытие: клерки XIX и XX в.. которые, по словам автора, были, есть и будут (89-4); британская "бюрократия" XIX в. со своеобразными идеологией, призванием, моралью, этикой, менталитетом, административными навыками (94-2); прошлое сексуальных меньшинств; крестьяне Ньюфаундленда, которых налог на собак ставит на грань выживания (89-1) и т.п.

Взгляд на прошлое как часть современного актуализирует проблемы модернизации: последствия урбанизации ("гегемония города") в Англии для отношения англичан к сельской местности, к красоте ландшафтов, ностальгии по сельской ("пасторальной") жизни (95-1): революция семейно-брачных отношений, утверждение западноевропейской модели брака (89-2). История - часть "модерна" в исследовании управления потреблением (на примере тяги к роскоши) через социальные нормы, вхождения спорта в повседневность [5] (89-2). В этом же ряду наблюдения о либеральных, "виговско-кембриджских" корнях сверхоптимизма в Англии по поводу научно-технического прогресса (92-2).

Панорама модернизации "третьего" (и "четвертого") мира - это преобразования в Мексике, менявшие крестьянско-аграрную ситуацию и вызвавшие накопление протестного потенциала (штат Чиapas). Автор с сарказмом замечает, что "Берлинская стена" заслонила Западу стену "кактусовую", отгородившую от прогресса беднейшие резервации индейцев (95-3). Это дифференциация крестьянства и приватизация земли в Никарагуа 1850-1920 гг. ("кофейная революция"): пролетаризация бедноты, рост протеста, преступности в Пуэрто-Рико (93-4); и др.

В подходах к "модернизации" присутствует стремление избегать того, что в отечественной практике именуют "вульгарным социологизмом". Так, турецкий ученый Х. Гюлап по поводу модернизации своей страны считает, что проекция логики развития капитализма в Европе и Сев. Америке на остальной мир заслоняет реальную специфику, борьбу Турции против колониальных держав, связанную с именем Ататюрка, Кемаля-паши. Государство в Турции (назначавшее индивидам социальный статус, нормы владения и распределения) играло в модернизации большую роль, чем производительные силы капитализма, как это следует из некоторых версий. Пример Турции, продолжает автор, означает: "Теории капиталистического государства не могут схватить ни природу некапиталистических государств, ни их социально-экономические отношения. Наше альтернативное видение Оттоманского государства отделяет класс, собственность и распределение от сферы производства и соединяет их с государством. Тем самым, история Оттоманской империи сбрасывает свои застывшие одежды, и Оттоманское государство оживает: движение, перемены и классовые конфликты вновь становятся оттоманскими" (94—1. Р. 25).

Проблемы государства - наряду с "модерном" - имели для создателей журнала специальный смысл. С первого номера началось обсуждение проблем изучения государства. Государство, писал Ф. Абраме, взаимодействует с гражданским обществом, право - с производственными отношениями: следует видеть "идеализм" государства как идеи, но и государство как институт, экономическую силу и границу общества. Это единство (гражданское общество и политическое государство) выступает то как общество, то как государство, считает он (88-1).

Обновлению подходов к государству мешают инерция взгляда на него как орудие принуждения, жесткое противопоставление базиса надстройке (89-4), концептуальная нечеткость границ государства и общества, новые тенденции: возрастание за последние десятилетия в государственной власти доли управленческих, неполитических факторов. Качественная специфика социологии проявилась здесь в обращении к взаимосвязи, взаимодействию государства и гражданского общества. Ряд авторов проводят мысль, что современное государство как управление в обществе следует отделять от государства как власти над обществом, включая принуждение (89-4). что государство превратило власть в управление. а общество отделило от управления и закона (88-1. Р. I).

Анализируя эволюцию феномена "государство", Ф. Абрамс говорит об "идеологическом артефакте..., исторической конструкции", о "специфически историческом контексте" его анализа. Д. Кантер (94-1) показал роль юридической терминологии государственных актов для "маркировки" (усваиваемой гражданами) "других": "бродяги", "нищие", "цыгане", сейчас - "новый иммигрант" и "средний италянец". Государство, заключает автор, - это фиксация документами общественно значимого: от границ страны до данных статистики и роли социальных наук, от имени которых "маркируют". Характерный пример здесь - статья о насаждении "еврокультуры" Европейским Союзом (96-4).

В одном из номеров журнала приведены слова А. Грамши "Государство должно быть концептуализировано как Учитель (Educator)" (94-1. Р. 74), поясняющие специфику подходов журнала к государству. Среди его создателей - британский марксист, работавший в исторической социологии, Э. Томпсон (1924-1993). Он вышел из компартии в 1956 г. после "венгерских событий" (4-94). В 70-е годы интеллектуалы этой партии разошлись, в том числе, в подходе к государству, с идеологами КПСС, видевшими в нем преимущественно орудие подавления. Очевидно, здесь истоки отхода от взгляда на государство как орган политического насилия.

Эти взгляды апробированы материалами упрочения идеи государства в Англии, государства и средних классов XVIII в. (88-2), местной автономии в тюремном деле (XIX в.), полицейской системы XVIII и XIX вв., формирования политической культуры, роли социальной науки (1886-1907 гг.) в улучшении жизни британских работников (96-2), разграничения государства и личности в XX в. Воздействие государств в средние века на кельтские народы Британии и Ирландии достигло цели в Англии и Шотландии, но не в Уэльсе и Ирландии (93-1). В статье о раннем средневековье показан образец (94-1) "идеологического проекта" британского государства VIII в. перед угрозой викингов. Образцом была взята идея Ветхого завета: долг населения - верность государству, связанному с Создателем.

В журнале представлена и более современная проблематика государства. В Италии демографическая политика фашистского государства Муссолини (лозунг "размножайтесь") встретила сопротивление семей, вызванное экономическими реалиями; эта конфронтация содействовала вхождению женщин в политику (94-3). Показана десеграгация в вооруженных силах и на государственной службе США. В президентство Трумэна результаты были частичными, так как политики, в частности, южане упорно сопротивлялись. Лишь Эйзенхауэр покончил с сегрегацией в 1954 г. в этих институтах государства (в статье 181 отсылка к источникам) (93-2). Как специфика государства Израиль выделены его автономия по отношению к гражданскому обществу; мощь государства на фоне коллективистской идентичности граждан. - символы для акторов политики и поле борьбы в ней; реализация концепции разделения власти и государственного управления (93—4. Р. 396).

Предметом анализа стало взаимодействие государства и общинной организации в Северной Мексике (89-3), управляющих госпредприятий, профсоюзов и политиков в середине XX в. в Бразилии. Государство по отношению к рабочим выступило здесь контролирующей силой, формируя тип работников госкомпаний, их общественное сознание по определенной идеологической модели через милитантов-активистов профсоюзов и Партию труда (93-3). Интеракция жителей, государства, права, местных властей показана на примере Эквадора начала XX в. Аборигены-пеоны на насильственное привлечение их местными властями к общественным (фактически каторжным) работам ответили апелляцией к "идее государства как носителя равной справедливости... Отстаивание этой идеи подорвало функционирование государственной системы на местном уровне, но повысило легитимность власти центра" (94-1). В анализе "обретения" тайваньцами коллективной идентификации и возникновения тайваньского национализма аргументирован тезис, что национализм не обязательно формируется вокруг дихотомии Запад/не-Запад. Тайвань вначале прошел стадию политического, затем - рационального национализма и, наконец, стадию национальной самоидентификации тайваньцев (94-2).

В историческом анализе институтов общества показательны удельный вес и тематика публикаций о школе, образовании, формировании идентичностей через школьные программы, предметы, нормативные документы по образованию (88-1), преподавание истории, через корпоративные проблемы и. как пример, взаимоотношения учительства США в XIX в. с государством, правительством (96-2).

Становление института современного здравоохранения представлено весьма подробно, как часть истории "модерна". Среди проблем - формирование моделей законодательства и охраны здоровья людей, включая модели альтернативные; роль государства, например, в принуждении к прививкам; конфликты корпоративных и общественных интересов в

здравоохранении; становление современных институтов медицины (клиники, лечебницы, родовспоможение и т.п.), такой общественно значимой ее отрасли как психиатрия. На британском материале показаны истоки социальной медицины, законодательные акты XIX в. о заразных болезнях, их применение, вызвавшие напряженность и конфликты (в статье 81 сноски) (93-1). "Политической миссией" стало введение социального здравоохранения в Англии после 1945 г. (96-2). Среди канадских сюжетов - туземное акушерство в прериях страны (95-3). На фактах истории Германии (1760-1850 гг.) прослежена интеракция борьбы с уголовной преступностью и психиатрии (которая только создавалась). Ситуация с "психушками" была конфликтной, адаптация - постепенной (93-3). В анализе заведений США для умственно отсталых лиц, практики "вынужденной" стерилизации, отмечена инертность законодательства штатов на этот счет (93-1).

Институты современной медицины показаны как переход (Англия 1815-1858 гг.) от корпораций докторов, аптекарей и хирургов к модели практикующих врачей по территориям. Переход сопровождался групповыми конфликтами, артикуляцией альтернатив развития медицины, науки, медицинского знания (92-3). Другая сторона этой проблемы - история анатомии, анатомических театров при университетах, рассмотренная в свете работ М. Фуко [6]. Здесь взаимодействие церкви, науки, университетов, права (захоронения), предрассудков и морали формировало отношение к медицине (92-1). В таком контексте власть, о чем выше шла речь, интерпретируется в терминах культуры, просвещения, "приучения" к нормам охраны здоровья - от туберкулеза до ВИЧ (92-1).

Журнал много публикует по гендерным проблемам, что отражает их место в концепции "модерна" и общественно-политическую актуальность. Правда, доминирует феминная проблематика; мужской пол представлен сюжетами о солдатах 1939-1945 гг. и первой мировой войны под Ипром (96-1). В "гендерных" статьях преобладает британский материал: неприменимость концепции гениальности художников к женщинам со времен ренессанса (89-3); связь имущественной собственности с патриархатом и политикой (интеракция класс-гендер) (89-4); женщины, культура на производстве и Заводской Акт 1874 г.: "публичное" и "частное" в жизни женщин викторианской Англии; женщины и дети на производстве в индустриальную эпоху (92-3). Исследованы перемены социального положения женщин колониальной Индии (Бенгалия) через образование, влиявшего на традиционные и новые классы, социальные группы (92-1). Связь бедности с множественством показана на разделенных столетиями общинах вальдзейцев XII и мормонов XIX вв. (92-4).

Широко представлены историко-современные измерения колониализма. Авторы "переписывают" - используя методы социологии - историю стран и континентов, некогда окрашенных на картах мира в цвета колоний. Освобождение меняет взгляды на историю, концепции и содержание учебников, недавно описывавших прошлое ныне независимых стран с точки зрения метрополий. "Голоса других" должны быть услышаны, их место в истории - пересмотрено, говорится в одной статье (94-2). Прежние взгляды преодолеваются, прошлое осмысливается в "первозданном" облике, освобождаясь от влияний колониальных времен.

В русле движения к общей теории колониализма показаны порабощение и колонизация, "встреча" и интеракция традиционных обществ и метрополий, формы господства колонизаторов (культурные, идеологические, образовательные, организационные) (92-1). Воздействие на традиционную экономику, роль культурных факторов в стремлении народов к развитию и освобождению, типология освободительной борьбы и др. Эти идеи конкретизируются рядом "кейс-стадиз", обращенных прежде всего к странам Британской империи - некогда крупнейшей в мире. "Рациональная" практика британского колониального управления в Гонконге, переписи в Египте XIX в. и в 1917 г. интерпретированы как насаждение европейских методов административного управления страной (96-4). Показана "встреча" британцев с африканской цивилизацией в Таньганьике (1890-1950 гг.): крестьяне-аборигены сопротивлялись нововведениям колонизаторов; политическое и экономическое принуждение сопровождалось культурным, духовным закабалением (92-2). Социологически показаны этнографические, антропологические феномены: преследование ведьм, колдовство, их интеракция с религией, повседневность племен Северной Канады, обучение аборигенов (95-2), туземные нормы права и брак в Южной Африке (89-1; 95-3).

Велик интерес к историко-социальному обновлению ЮАР. М. Эппрехт ("Как читать историю Южной Африки начала XX в.") связывает новый взгляд на апартеид с переменами в политике, педагогике, истории страны. Необходимо переписать историю вооруженной борьбы (94-2). Выявлено сочетание белыми плантаторами Трансвааля насилия с социально-экономическим патернализмом (1900-1950 гг.) через консервацию самых диких - семейных-

форм эксплуатации (92-2). Показаны миссионеры начала XIX в., под девизом "За Англию Христа" формирующие имидж, идентичность черных в духе расовой неполноценности (93-4).

Через журнал проходит весь ареал колониальных владений. В поле внимания авторов бывшие колонии Испании и Португалии в Америке: реакция низов Мехико-Сити в конце XVIII-начале XIX в. на реформы в сфере морали и поведения на фоне культуры, привычек аборигенов, сплав традиционных поведения, взглядов, ритуалов и нового стиля жизни, поведения, манер элит (92-2). История традиционных игр мексиканцев в Техасе "*Los pastores*", по словам автора, отражает эволюцию поэтики вытеснения, маргинализации мексиканцев под давлением церкви, англо-американцев, испанцев с Канарских островов и американских индейцев (93-2). Дан анализ колониальных (и цивилизационных) практик Австралии на Папуа-Новой Гвинее (95-3).

В публикациях о колониализме есть "диссидентство". Изобличено лицемерие политики США на Филиппинах, где американские учителя (около тысячи), фактически колонизаторы, проповедовали равенство (95-3). Память о колониальных захватах отражена в хрестоматийном эпизоде из истории США - битве при Аламо (1836 г.) Городок Сан-Антонио, место паломничества туристов-американцев, напоминает об отношениях колонизатор-колонизируемый, о возможной дезинтеграции, о том, кто здесь - "другие", что нелегальная мексиканская иммиграция в США - сигнал опасности утраты контроля над границами и т.п. (94-1). В рассказе о предыстории иностранных рабочих в Германии автор (не из ФРГ) "особые отношения" Германии с историей видит в забвении того, что *Gastarbeiter* - "гостерабочие" - были здесь и в 1870-1914, и между 1914-1939 гг. К исходу второй мировой войны здесь было около 8 млн. иностранных рабочих, из них 2 млн. военнопленных (Там же. Р. 402). У сегодняшних проблем, - пишет автор, - кровавая предыстория насилия, чреватая кризисом "социальной памяти", когда встанет проблема не "забвения", а спасения (94-3. Р. 409). Израильские социологи показывают становление Израиля как колонизацию вначале в форме сионизма, а затем в форме колонизации территорий, контролируемых Израилем после шестидневной войны 1967 г. (93-3).

Журнал обсуждает "цеховые" проблемы современной исторической социологии: знакомит с тематикой публикаций по исторической социологии в Британии после второй мировой войны (88-1), приглашает исследователей к сотрудничеству (92-3). Перед читателем галерея персоналий: Норберт Элиас - века в исторической психосоциологии, показавший становление общественной личности, в частности, в книге о "цивилизационном процессе" [4] (89-2). Анализируются методы создания Полом Фридрихом труда об аграрных бунтах в Мексике и правящем клане (касиках) индейцев наранха [7] (93-4). Ряд статей посвящены германским корням исторической социологии: Р. Вильямс пишет о Карле Лампректе (1856-1915) - лейпцигском историке культуры как пионере исторической социологии, о противоречиях и напряженности между историками и социологами того времени, о книге Питера Барта "Философия истории как социология" [8], о немецкой "интерпретативной исторической социологии" и деисторизации социологии в Германии в 1914-1933 гг., которую преодолевали А. Вебер и Г. Фрайер (93-2). В галерее персоналий социолог и антрополог Б. фон Регенсбург, К. Гирц, К. Дени, В. Дильтей, Г. Риккерт и др. Но самым популярным в этом ряду оказался М. Вебер. Его творчеству посвящены библиографический очерк "Историческая социология М. Вебера", статьи о взглядах Вебера и Т. Веблена на "дух капитализма" (92-2), о советском коммунизме в свете веберовской харизмы [9]: советское государство представлено преимущественно не как насилие, а неформальное его приятие и оправдание гражданами. В СССР была реализована "харизма разума" в последней инстанции, идеалы и убеждения, привлекая сторонников социализма, коммунизма, русской революции. Крах "марксизма-ленинизма" увлек в небытие сообщество "идеологических виртуозов", живших за ее счет (92-3. Р. 287).

Россию представляли в редколлегии первого состава доктор исторических наук В.П. Данилов (Институт истории СССР АН СССР) и академик Т.И. Заславская (до 1992 г.), академик А.Я. Гуревич. В.П. Данилов опубликовал статью (89-1) об альтернативах сталинской коллективизации, предлагавшихся во время НЭПа А.В. Чаяновым. Н.И. Бухариным, в проекте плана первой пятилетки. Л.В. Забровская (Владивосток) уточнила оценки статьи (90-4) о реакции Китая на попытки включить страну в западную систему международных отношений конца XIX-начала XX в., выделив устойчивость традиции как ведущий элемент поведения китайской стороны (93-3). Этим участие русских в "Журнале исторической социологии" не ограничено: на его обложке (после 1992 г.) фотомонтаж Л. Поповой "Мы

новый мир построим" (1923 г.). Отметим деталь: в речи о Британии XV в. вновь избранного профессора одного из английских университетов упомянут "кулак", еще одно русское слово в международном научном обиходе (93-4).

В пушкинский год нельзя не отметить статью (94-3) о колониальной Индии XIX в. как источнике проникновения в Европу холеры. Начавшись в 1817 г. в Индии, эпидемия дошла к 1826-1829 гг. до Персии и Турции, воевавших с Россией. Русские солдаты, переброшенные в Польшу и Прибалтику, принесли холеру в центр России: так случилась "Болдинская осень" А.С. Пушкина- 1830 г.

Комплект журнала - не учебник и не монография, последовательно излагающие взгляд(ы) на предмет исторической социологии. Но итоговые замечания к "визитной карточке исторической социологии" возможны. В журнале мы не найдем диктата социологии по отношению к истории; нет навязывания "социологических" законов, споров о "номотетическом" и "идиографическом". Есть междисциплинарная близость, взаимное дополнение и взаимодействие на практике, к чему призывали многие социологи и историки прошлого. Историки за рубежом знают и применяют социологические методы, владеют социологическими процедурами и техниками, основываясь на базах данных исторических источников о социальных явлениях, процессах, группах и т.д., - феноменах номотетических, не идиографических.

Состояние на начало 90-х гг. показывает эволюцию понимания содержания понятия "историческая социология", движение к "исторической социальной науке", о которой писал М. Вебер. Стремление ставить науку о социуме на фундамент знания его прошлого устанавливает связь прошлое-настоящее-будущее при центральном значении понимания, интерпретации современности (модерн). Теория модернизации - основа консенсуса о трансформациях и прошлом современности. Социологизм публикаций, обращенных вспять, актуализирует исследования.

В проанализированных публикациях журнала мы не нашли дефиниций "исторической социологии". Но едва ли будет уязвим для критики ориентированный на практику вывод из того, как операционализируют это понятие большинство авторов журнала: социологическое (пере-)осмысление прошлого, или там, где инструменты социолога впервые обращаются к историческим проблемам, историческое освоение прошлого.

В конце XX в. глобальные, региональные и локальные перемены сопровождаются "переписыванием" истории многих стран с использованием методов и достижений социологии. Прав был Э.Х. Карр, в начале 60-х гг. писавший, что "социология, если хочет стать плодотворным полем исследований, должна, как и история, заниматься соотношениям единичного и общего... Пусть граница между ними будет широко открыта двустороннему движению" [2. P. 60]. Социологическая наука сейчас в отличие от XIX-начала XX в. не выводит законы истории, как точным наукам их дает эксперимент. Акцент сделан на процедурах и принципах исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тоценко Ж.Т. Историческая память и социология: Романовский Н.В. Историческая социология: опыт ретроспективного анализа // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 3-13.
2. Carr E.H. What is History? L., 1961.
3. Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия. Сост. Т. Шанин. М.: Прогресс. 1992. T. Shanin. The awkward class. Political sociology of peasantry in a developing society: Russia 1910-1925. Oxford: Clarendon press. 1972.
4. British journal of sociology. 1991. № 26. P. 426.
5. N. Elias. The civilizing process. An essay on sports and violence. I.. 1939.
6. M. Foucault. La naissance de la clinique. P. 1963.
7. P. Friedrich. Agrarian revolt in a Mexican village. Chicago. 1970.
8. П. Барт. Философия истории как социология. СПб. 1902 (Leipzig. 1897).
9. S. Breuer. Soviet communism and Weberian sociology // Journal of historical sociology. 1993. № 3. P. 267-290.